

Государственный институт искусствознания, изучая феномен ночи в контексте различных социокультурных обстоятельств, посвятил этой теме уже три конференции. В 2005 г. по материалам первой вышел сборник «От заката до рассвета: ночь как культурологический феномен», в 2009 г. (по материалам второй конференции) – «Ночь: ритуалы, искусство, развлечения»,

Наталья Кузнецова,
д.ф.н., профессор,
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва

«Ночь нежна»: феномен ночи в разнообразии социокультурных контекстов

а в ноябре 2009 г. мы обсуждали тему «Ночь: закономерности, ритуалы, искусство». Что уже удалось обсудить в контексте данной проблематики? Что осталось неясным? Что видится в перспективе? И можно ли в общих чертах наметить путь, по которому следует двигаться, чтобы высветилось нечто, напоминающее закономерность? Об этом и пойдёт речь в настоящей статье.

Массажный салон. Эконом-зона. Фото ИТАР-ТАСС

Начну с пояснения названия. Каким образом выяснение каких бы то ни было «закономерностей» может быть ассоциировано с известным романом Скотта Фитцджеральда «Ночь нежна»?

Дело в истории, связанной с неадекватным переводом заглавия романа, который в оригинале звучит так: «Нежность — это ночь» (*Tender is the night*, 1934 г.).

Как это получилось? Ведь англоязычный оригинал ясно показывает, как следует понимать ключевой смысл этого романа. Известно, что писатель начал работу над этим романом в 1925 г. и перерабатывал его с перерывами девять лет. А. Зверев рассказывает: «Рукописи романа свидетельствуют о больших изменениях, которые претерпел первоначальный замысел писателя. Менялось и заглавие будущей книги: «Один из наших», «Всемирная ярмарка», «Парень, который убил свою мать», «Праздник

пьяницы». Окончательное заглавие было найдено буквально перед первой публикацией в журнале «Скрибнерз мансли» (январь-апрель 1934 г.). Джон Китс был одним из любимых поэтов Фитцджеральда. В письме к дочери от 3 августа 1940 г. он советует Скотти прочесть «Оду к соловью», откуда взяты заглавие «Ночь нежна» и эпиграф к роману¹.

Теперь мы сами взглянем на эпиграф, который в русском переводе звучит так:
И я уже с тобой. Как ночь нежна!..

...Но здесь темно, и только звёзд лучи
Сквозь мрак листвы, как вздох
зефиров робкий,
То здесь, то там скользят по мшистой
тропке.

Дж. Китс. Ода к соловью

¹ Зверев А. Комментарии // Фитцджеральд Ф.-С. Избранные произведения. В 3-х т. — М., 1984. — Т. 2. — С. 480.

Если не заботиться о размере и благозвучии, то, вероятно, в оригинале «Оды» было так: «И я уже с тобой. Нежность — это ночь / И здесь темно, и только звёзд лучи / Сквозь мрак листвы, как вздох зефиров робкий, / То здесь, то там скользят по мшистой тропке». Удивительный точный образ «Tender is the night» — находка Китса, но наш поэт-переводчик невольно «подправил» смысл, а переводчик романа (Е. Калашникова) воспользовалась удачным словосочетанием.

Забавная «шутка» устоявшегося русского перевода представляет нам образец «перевёртыша» ключевого смысла: не ночь является нежной, а нежность темна как ночь!

«Ночь нежна»: феномен ночи в разнообразии социокультурных контекстов

На какие рефлексивные перевёртыши порой способны и мы, когда пытаемся в связи с какими-то задачами осмыслить феномен (явление) ночи, чтобы заставить даже ночь неустанно трудиться и приносить немалую прибыль!

Но сначала подведём итоги обсуждения.

Ночь — понятие социальное

Мы, люди, — существа социальные, окультуренные. И потому ночь для нас — это не естественное явление природы, не время суток, а прежде всего такое время нашей жизнедеятельности, которое резко и чётко отграничено от дневного времени. Ночь и день — исходная, фундаментальная дихотомия, как Инь и Янь, как Да и Нет, как «Pro» и «Contra», как всё, что действительно «противоположно».

Е.В. Дуков зафиксировал это чувство противоположности, которое сформировалось в предалёкие времена: «Все были убеждены: ночь — особое время. Ночью ты должен быть особенно осторожным, иначе не миновать беды и только посвящённые могут чувствовать себя относительно свободно, и то, потому что знают правила. Правила ночи. Ночью всё окружающее принимало странные, необычные формы, обострялись слух и обоняние, и лишь с рассветом всё начинало приходить в норму. Волшебная Дева-Ночь открывала человеку реалии Мужчины-Дня. Но информационно ей

Фото Интерпресс/ИТАР-ТАСС

день не мог быть сопоставлен, потому что был гораздо беднее... День и был, в основном временем обыденности. Ночь же, сужая горизонт до расстояния вытянутой руки, распахивала безграничный горизонт неба во всей его красе и бездонности. И делала человека наблюдателем игры могущественных сил природы. Поэтому без ритуала ночь нельзя было ни встретить, ни провести. Предки завещали человеку сами правила проведения ночи, они же оттачивались потом опытом поколений»².

Да и сегодня: что есть День для современного городского человека? Он скучен, расписан и полон борьбы, действий, связанных с заработком, с добыванием средств для жизни. Какой жизни? Ах, самой тривиальной! Есть, пить, потреблять, обеспечить жену и детей, дать им образование, заработать на болезни и старость... Боже, боже, как непривлекательно!

Зато Ночь! Это приватное время, время, когда Вы возвращаетесь к самому себе в своих глубинных асоциальных желаниях. Ночь таинственна, эротична, креативна. Со временем, подчёркивает Е.В. Дуков, ночь стала главной героиней поэзии. Добавим: и музыки (рождается ноктюрн), и живописи, в которой ночь стала излюбленной темой пейзажа.

В ночной тьме рождается самое сокровенное, возвышенное, неожиданное. Конечно, это отношение к ночи как особому времени заново рождено романтиками Нового времени, которые пытались порвать узы рассудочности Дня. «Ночная жизнь» стала синонимом иррациональных, творческих, нарушающих порядок разума, чувственных проявлений жизни. Характерно, что в «ночной» тематике романтиков эротические переживания часто сопрягались с кладбищенским настроением.

Протест против подавляющих чувств рассудочных проявлений жизни продолжается в философии и художественной культуре XIX-XX вв. Ассоциативный ряд — ночь, творчество, эротические переживания — становится

скрытой константой культуры. Философия и литература желают доискаться до самых глубин «ночного» сознания, до самых глубин чувства, т. е. представить первоопыт жизни»³.

Следуя этой традиции, А.В. Крылова обобщает наблюдения в романтический образ: «Всякое соприкосновение с ним — есть выход из пространства обыденности туда, где в формах искусства либо в реальном жизненном континууме органично сосуществуют ритуал, праздник, изысканное развлечение»⁴. И далее прозаично: «Вполне закономерно поэтому, что тема ночи, её образ стал в последнее время широко популярным, можно сказать, модным для успешного пиара и рекламы. «Ночь шопинга», «Ночь видео», «Ночь музеев», «Ночь искусства», «Ночь пожирателей Хенесси», «Ночь пожирателей рекламы», «Ночь...», «Ночь...», «Ночь...»... У всех этих ночей при различии содержательной доминанты — теме, которой, собственно, посвящено ночное бдение, есть ряд общих черт. Их объединяет чувство нарушения запрета, дух прыжка за черту положенного, даруемый именно временным пространством ночи. Все они позиционируются как мероприятия для избранных»⁵.

Похоже, что нужное слово найдено: ночь — время «изысканного развлечения». А следовательно: а) Ночь — прекрасное время для бизнеса, прежде всего для рекреационного бизнеса; б) в развитии, планировании, проектировании рекреационного бизнеса важнейшим механизмом служит рефлексивное преобразование обычной трудовой жизнедеятельности в рекреацию, развлечение. Все виды трудовой деятельности могут быть превращены в виды отдыха и развлечения. Рыбалка, охота, конный спорт, метание дротиков, стрельба из лука, пешеходный туризм (путешествия)... Действия инвариантны, меняется только целевая установка: вместо реального продукта — имитация.

³ Мирская Л.А. Дискурс «ночного» желания // Ночь: ритуалы, искусство, развлечения. — С. 60.

⁴ Крылова А.В. Ночь «пожирателей рекламы»: продажа или развлечение // Ночь: ритуалы, искусство, развлечения. — С. 88.

⁵ Там же. С. 88.

² Дуков Е.В. Ночь как ритуал // Ночь: ритуалы, искусство, развлечения. Глубины темноты. — М., 2009. — С. 6-7.

Стоимость организации БОМЖевого тура на 10 персон – \$ 24.500.

В эту сумму входят:

10 комплектов лохмотьев (новых), сшитых
рукой профессионального стилиста – \$ 7.000

грим в стиле БОМЖ
(включая разгримировку) – \$ 1.500

25 телохранилелей – \$ 7.500

10 наблюдателей – \$ 1.500

комплект наград (Чемпионский Кубок,
12 медалей, памятные призы) – \$ 1.000

банкет на 15 персон – \$ 1.500

необходимый реквизит, служебные
и транспортные расходы – \$ 1.500

гонорар группы организаторов – \$ 3.000

«Ночь нежна»: феномен ночи в разнообразии социокультурных контекстов

«Мы все живём в мире некоторых имитаций, в игровом мире. Мы заменяем реальную деятельность некоторой игровой практикой, которая по феноменологии совпадает с реальной, но представляет не эту деятельность, а некоторую трату свободного времени. Можно сказать, что современный мир захвачен быстро распространяющейся эпидемией развлечений... Именно наслаждение становится путеводной звездой современного поколения»⁶.

При этом заметим, что удачные проекты развлечений для «новых русских» пред-

полагают иногда весьма неожиданные решения. Именно они кажутся «изысканными»! Один из ярких представителей российского шоу-бизнеса Сергей Князев объясняет психологическое тяготение его клиентов к необычным удовольствиям так: «И если бедными мы мечтали о богатстве, то разбогатев и объездив весь мир, некоторые предпочитают дайвингу в океанских водах погружение на самое что ни на есть дно жизни»⁷. Развлечением становится то, что в нормальном (дневном) свете таким выглядеть не может. Успехом пользуются такие туры, как – «Бомжевой тур», «Охота на крыс», «Сутенёры и проститутки», «Стриптизёрши» и т. п.

В случае с ночью мы также можем наблюдать это рефлексивное преобразование как закономерное социальное явление. Будучи временем отдыха от дневных забот, ночь в руках весьма неглупых предпринимателей становится временем их заработка. Рождается целая индустрия ночных развлечений: круглосуточно работающие торговые-развлекательные центры, ночные клубы, кафе, танцевальные площадки, ночные туры (экскурсии и т. п.). В ход идёт всё, что осознано поэтами, искусствоведами, культурологами – эротика, исторические ритуалы, интеллектуальные (а ля аристократические) игры, магия виртуального мира, созданного подсветкой, тихой (или шумной) музыкой – всё, что только может быть осознано, отрефлексировано, как приманка для актуализации определённого типа поведения. И играют здесь, прежде всего, как правильно замечено, на чувстве прыжка в сферу неординарного.

В любом случае следует откровенно признать: Дева-Ночь оказалась ужасно подходящим пространством и временем для индустрии вовлечений и отвлечений!

И ещё два слова о фокусах, которые рефлексия способна разыграть с теми, кто её исследует. В своё время М.А. Розов ввёл понятие «парадокса Мидаса», написав: «Известно, что легендарный фригийский царь Мидас чуть не погиб

⁶ Одиноква Л.Ю. Развлечения – эпидемия современного мира // Бремя развлечений: Otium в Европе. XVIII–XX вв. – СПб., 2006. – С. 42-43.

⁷ Там же. С. 43.

от голода, ибо любая пища, к которой он прикасался, моментально превращалась в несъедобное золото... Любой результат анализа, который мы хотели бы рассматривать как знание об объекте, моментально оказывается элементом или условием существования этого объекта, а исследователю неминуемо грозит «голодная смерть». В дальнейшем мы будем ещё неоднократно сталкиваться с парадоксом такого типа, ибо он представляет довольно типичное явление при анализе рефлектирующих систем»⁸. Но не так ли получилось и в нашем случае, когда исследователи, предоставлявшие знания о том, каковы ритуалы ночного поведения и ночные праздники, тут же сталкивались с тем, что их знания превращались в функционирующий элемент рефлексии тех, кто готовит всё новые и новые развлечения для современного горожанина! Всё, о чём рассказали за эти годы культу-

⁸ Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. — Новосибирск, 1977. — С. 30-31.

рологи, историки и этнографы, может превратиться в проекты новых шоу, представлений, ночных туров. То, что мы исследуем, становится средством развлечения: можно провести ночь, как Нерон, как Бриджит Бардо, как североамериканские индейцы, чукчи, аристократы-дворяне XIX в. (как Евгений Онегин, скажем)! Ну не парадокс ли это? Другой вопрос, что изучаемые нами герои жили и нечто переживали, а мы, развлекаясь, только имитируем это! И следующее поколение социологов и культурологов с энтузиазмом начнёт изучать эти вновь возникшие способы ночных развлечений.

Таким образом, действует закономерность поглощения результатов исторических, этнографических, культурологических исследований индустрией развлечений. К чему, спрашивается, это ведёт или может привести?

Благодаря развитию бизнеса в сфере удовольствия, происходит превращение когда-то результативной деятельности в рекреационную. Это бесспорный факт

Подводная охота. Фото ИТАР-ТАСС/Интерпресс/Игорь Хакимов

современности. Там, где наши предки действовали, чтобы получить важный для жизни продукт или результат, мы, сегодняшние, всего лишь развлекаемся, предаваясь несерьёзному и безмятежному времяпрепровождению. Игровая имитация прошлого достигает грандиозных масштабов, являясь своего рода мощным магнитом, выстраивающим иерархию людских устремлений. Труд и отдых, работа и рекреация как бы поменялись местами на шкале целеполагания. Для чего мы отдыхаем? Чтобы работать? Или работаем, чтобы отдохнуть и развлечься, а в этой рекреации, наконец-таки, обрести самих себя, самое сокровенное в себе?

Не получается ли так, что гуманитарии, пусть и невольно, участвуют в про-

исходящей смене смысложизненных ориентаций? Гуманитарные науки оказались вовлечёнными в активное формирование тех социокультурных процессов, которые вряд ли могут порадовать человека с обострённым чувством подлинности истории и настоящей культуры. Попробуем осознать и поставить, наряду с другими, и эти вопросы.

В подражание модному французскому философу Жаку Деррида⁹, зададимся же вопросом: любим ли мы ночь саму по себе или любим через неё что-то иное — магию, эротику, креативность, неординарность собственного поведения? Конечно, второе — те свойства, которые мы сами приписали ночи. В этих «ночных» предикатах мы на самом деле познаём нашу собственную «темноту», «неразбериху» или «глубину» — уж кому что нравится. Сам переход к иным постановкам вопроса — тоже некая познавательная закономерность.

«Ночь нежна»: феномен ночи в разнообразии социокультурных контекстов

Ночь как время жизни

Все определения ночи и рассуждения о том, какова она (магична, эротична, креативна и т. п.), исходили из логики, когда утверждается, что «ночь нежна». Но мы ведь не должны рассуждать, как тот шестилетний мальчик, который попросил у мамы майку, чтобы переодеться, и на её вопрос: «Что случилось с твоей майкой?», ответил: «Она вспотела». Если говорится «нежность — это ночь», то всё обстоит по-другому. В этом случае характеризуется нежность как тьма, в которой ничего не видно, ничего не разберёшь. Вот это, хотя и соотнесённая с наблюдателем, но объективная характеристика. Она объективна, подобно тому, как объективно суждение «роза красна». Что это значит? Ответ у логиков такой: роза действительно красна, если все эксперты данной культуры признают её красной.

А ночь объективна в том смысле, что это вполне определённое явление природы. В таком контексте мы говорили о ночи очень мало, здесь мы ещё только в начале серьёзных обсуждений.

⁹ Известно выражение Ж. Деррида: «Когда говорится «я люблю её», то следует спросить: кого (её) люблю или что-то (в ней) люблю?»

Фото ИТАР-ТАСС/Ricardo Gomes

Отнюдь не сразу и не скоро мы вспомнили, что люди — не только «социоиды», но и «биоды», что мы физиологичны и обладаем определённым устройством, встроенным не только в социум, но и в материальную, органическую природу. Можно говорить о ночных хищниках, ночном образе жизни некоторых животных. Чем это вызвано? Какими ритмами? Что определяет естественное физиологическое состояние людей по ночам? Уже установлен «гормон ночи», и это — мелатонин! Есть среди людей «совы» и «жаворонки», т.е. существуют разные хронотипы. Всё это только предстоит исследовать биологам, физиологам, психологам, и все полученные ими результаты можно будет связать с нашими предыдущими обсуждениями.

Ещё Платон устами Сократа (или наоборот) сказал: «Тело есть колесница души». Мы в большей мере говорили о человеческой душе, её порывах и устремлениях, порой тёмных и бесвязных. Но ведь и о «колеснице» следует поговорить. Подлинная онтология ночи лежит, я думаю, в сфере подобного рода исследований. Именно сюда мы должны продвинуться для полноты картины, сюда толкают нас организаторы сегодняшней встречи. Это будет следующий шаг.

Что может нас всех тревожить?

На эту сторону дела обратил внимание А.В. Захаров: «Результаты моих предварительных размышлений сводятся к одной фразе: «Развлекать — невозвратный глагол»... Человек не может развлекать себя сам, т.е. развлекаться. Он может играть, забавляться. Вместе с кем-то мы можем потешаться над чем-то (или кем-то). Однако для развлечения нужен кто-то Другой, кто будет заботиться о наших удовольствиях и наслаждениях, кто умеет это делать лучше нас. В общем случае для развлечения нужен профессионал или по крайней мере человек компетентный: шаман или жрец, жонглёр, артист, массовик-затейник, шоумен, крупье в казино, сутенёр и т.п. О нашей любви к наслаждениям такой человек знает больше нас самих, порой даже то, что нам и в голову не приходит»¹⁰.

Действительно, не я развлекаюсь, а меня развлекают, а значит, вовлекают и отвлекают. А какovy отдалённые последствия этого добровольного предоставления власти надо мной кому-то Другому? Стоит об этом задуматься, да как-то недосуг.

¹⁰ Захаров А.В. Развлекать — невозвратный глагол // Бремя развлечений: Otium в Европе. XVIII-XX вв. — С. 32.

«Ночь нежна»: феномен ночи в разнообразии социокультурных контекстов

Обратим внимание, психологи давно заметили различие между высказываниями: «Я хочу» и «Мне хочется». Во втором случае Я куда-то исчезает, а что-то «во Мне» хочет, стремится, настаивает, требует. В отличие от решений Я, желаний, которые «во Мне», очень безличны и плохо контролируемы. Боюсь, что ночью в основном люди действуют по принципу «мне хочется»: пить, танцевать, бродить, поглазеть... И в этом есть некая опасность: голоса Безличного, куда они позовут?

Отсюда следует мой заключительный тезис: глубоко верно и всеми нашими конференциями, бесспорно, доказано, что развлечения — подлинная эпидемия

современного мира. Откуда же, спрашивается, масштаб её?

В «Исповеди» Л.Н. Толстого, кажется, содержится психологически совершенно ясный ответ. Эпикурейство, говорит писатель, — это выход для человека, который хорошо осознаёт, что жизнь есть величайшее несчастье и зло, что будет он неизбежно болеть, слабость и страдать, что в конечном счёте умрёт. И отвлечься от этого страха можно только в череде разнообразных отвлечений (развлечений). Так живёт большинство.

Что же сегодня? Как ни парадоксально это звучит, самый востребованный, самый реализованный философ XXI в. — Аристипп, создавший гедонистическую школу. Имя его, правда, неизвестно массам. Но суть от этого не меняется: мы должны признать, что ни Гегель, ни Шопенгауэр, ни Хайдеггер, ни Будда, никто другой не сравнится в земной славе с этим древнегреческим философом из Кирен.

Учение Аристиппа об удовольствии просто и доступно, как апельсин: существует одна-единственная цель, желанная сама по себе, — удовольствие, «гедоне».

Удовольствие, во-первых, всегда собственное, моё и ничьё другое.

Удовольствие, во-вторых, безо всяких оговорок — натуральное, физическое. Если говорить чистую правду, нет никаких так называемых духовных наслаждений, чем бы вы ни наслаждались — музыкой Баха или котлетами, картинами Рафаэля или мороженым, это — удовольствие!

Удовольствие, в-третьих, — это весьма конкретное переживание, отсутствие тревоги, голода, холода и т. п. — не подлинное чувство, не подлинная эмоция.

Удовольствие, наконец, должно быть преходящим, потому что непрерывное, устойчивое наслаждение — просто нонсенс! А потому удовольствий должно быть много и разных.

Это настоящая, ясная и доступная всем программа человеческой жизни. Она привлекательна для большинства.

Можем поставить диагноз современности: налицо сегодня «восстание масс» и налицо индустрия развлечений как производство «опиума для масс». Это

естественная экономическая закономерность, но давно уже стало ясным, что безудержный гедонизм социально опасен. Почему это так?

Ещё киренаики утверждали, что в стремлении к «гедоне» не следует стеснять себя никакими общепринятыми нормами, главное удовольствие — отринуть любые социальные преграды. А это уже граничит с преступлением в юридическом смысле слова. Те люди, которые действительно не ограничены в реализации своих самых дерзких мечтаний («высший свет» в старину, «новые русские» сегодня), на деле познали простую истину: скука — самое страшное испытание их эмоционального мира. Но скука — повод для невротических и психических извращений. А наши дети, которым мы так стремимся доставить как можно больше удовольствий, превратить их детство в сплошной «парадиз», потом никак не могут адаптироваться к жёстким требованиям социальной действительности, к ответственности за свои действия. Возвращение из игрового мира в мир продуктивной деятельности оказывается столь трудным! А социум давит и требует!.. Гедонистическое детство и юность — также ведут к нервным срывам по мере физиологического взросления.

И тогда на фоне этой тревоги как не вспомнить ещё один образ ночи, который связан с именем Иммануила Канта. Ведь ночь для Канта — время звёзд. И человек должен время от времени смотреть на звёзды для ощущения подлинности своего существования.

Критикуя философский гедонизм, Кант спокойно, но убедительно заявляет: «счастье» — слишком неопределённое понятие, и хотя каждый человек стремится быть счастливым, тем не менее он никогда не может ясно и в полном согласии с самим собой сказать, чего же он, собственно, здесь страстно желает.

И самое главное, конечно, — знаменитое заключение из «Критики практического разума»:

«Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением

и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне.

И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования».

И далее — где каждую строчку стоит пережить как удивительное прозрение глубочайшей связи звёздного неба и моего личного существования:

«Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает моё значение как животной твари, которая снова должна отдать планете (только точке во вселенной) ту материю, из которой она возникла, после того как эта материя, короткое время неизвестно каким образом была наделена жизненной силой. Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира, по крайней мере поскольку это можно видеть из целесообразности назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами этой жизни»¹¹.

И в связи с этим известным положением Канта у меня возникает вопрос: нельзя ли, чтобы индустрия развлечений тоже была бы некоторым образом перестроена — уже не по Аристиппу, а по Канту. Нельзя ли, если уж речь идёт о ночи, прежде всего устремить взор человеческий на звёзды, которые наполняют душу всё более сильным удивлением и благоговением? Кто бы мог это сделать? Разве нужен здесь массивный зрительный аппарат? Ночь как время высоких мыслей — вот что ещё не испробовано!

Если б таков был фундаментальный социокультурный дискурс ночи — возможно, изменилась бы вся наша дневная жизнь!

¹¹ Там же. С. 500.